

Цзян Умяню не пришлось долго ждать. Уже на следующий день после того, как он известил укрепление Цзиньмяо, представители обоих селений — очевидно, успев сговориться — сами пришли к нему для выбора места под строительство.

Дела с бумажной мастерской постепенно налаживались; до начала весенней страды требовалось спешно заложить фундамент и поднять стены.

Тем временем Цзян Умянь принял к себе человека, присланного его достопочтенным учителем. Им оказался Се Линь, приемный сын управляющего Се. В усадьбе наставника Се Линь ведал распределением обязанностей среди слуг и челяди; человек преданный, немногословный и умеющий держать язык за зубами.

Заготовку сырья поручили местным, тогда как на Се Линя возложили главную задачу — обучать людей тонкостям варки и толчения пульпы, отлива листов и добавления связующего бумажного клея.

Жители обоих селений дружно взялись за дело. Повсюду собирали сырье: волокнистую лубяную кору, солому, дырявые рыбацкие сети, жом сладкого тростника чжэ чжэ... Всё это добро теперь отмокало в огромных чанах.

— Разделите производство на потоки, — объяснял Цзян Умянь, указывая на размокшую массу. — И приставьте к каждому этапу по смотрителю. Размякшее сырье нужно варить с добавлением извести, так что следите за техникой безопасности, чтобы никто не обжегся.

Толчение и измельчение сырья в однородную массу — труд тяжелый, сугубо физический. Особого умения здесь не требовалось, оттого и плата полагалась скромная, но даже за такую работу люди ухватились обеими руками.

Единственное, на что Цзян Умянь просил Се Линя обратить самое пристальное внимание, — это отлив листов. Именно от этого шага зависело качество будущей бумаги, а уж соблюдение пропорций связующего сока и вовсе было делом первостепенной важности, где малейшая оплошность могла погубить всю партию.

Взяв в руки приспособление, напоминающее бамбуковую циновку, но с гораздо более частым и тонким плетением, судья пояснил:

— Когда черпаешь массу из чана, сетка должна не просто удерживать вес сырой пульпы, но и мгновенно пропускать воду. Иначе волокна распределятся неровно, и на готовом листе появятся проплешины или утолщения.

В прежней жизни, на технологической базе, для ручного отлива бумаги использовали

мелкоячеистые пластиковые сетки. В Великой Чжоу о пластике никто и слыхом не слыхивал — здесь обходились деревянными рамами или натянутой тканью. Однако Цзян Умянь решил использовать то, что росло прямо под рукой, — бамбук.

Благо на юге бамбуковые заросли тянулись на многие ли. Местные жители плели из него корзины и короба, спали на прохладных бамбуковых циновках, мастерили мебель и даже строили хижины. Раз уж бамбук заменял им буквально всё, то наколоть его на тончайшие лучины и сплести упругую сетку для процеживания бумажной массы оказалось делом нехитрым.

Правда, из-за отсутствия сноровки первые партии выходили на редкость неказистыми. Листы получались разной толщины, вода стекала слишком медленно, сохнувшие стопки то и дело мокли под внезапными весенними ливнями, а на иных листах из-за неверного замеса пульпы тушь расплывалась бесформенными кляксами.

— Нарезать кору и толочь волокно сможет любой чернорабочий, — напутствовал Цзян Умянь, указывая на бурлящий чан. — Но отливать бумагу ты обязан научиться лучше всех. Если в готовой партии обнаружится брак, тебе нужно с первого взгляда определять, на каком именно шаге произошел сбой.

Се Линь понимал всю важность поручения. Молодой господин доверил ему сердце мастерской, а такое доверие дорогого стоило. Он почтительно поклонился и твердо произнес:

— Будьте спокойны, господин. Клянусь, ни одна живая душа не выведает у меня этот секрет.

Заручившись собственным словом, Се Линь с головой ушел в тренировки. В будущем ему предстояло обучать местных мастеров точно так же: сначала ставить им руку и отрабатывать плавность движений на пустых рамах, и лишь после сдавливания первой ровной стопки допускать к настоящим рабочим чанам.

Ученические чаны отличались от рабочих лишь тем, что в них не добавляли дорогой бумажный клей. Листы, выходившие из-под рук новичков, годились разве что на выброс, но предприимчивый уездный судья нашел им применение: порченную бумагу за бесценок отдавали в государственную школу, где ученики использовали ее для каллиграфических упражнений и черновиков.

Как только завершились весенние полевые работы, жители обоих укреплений целиком посвятили себя бумажному делу. Объемы росли день ото дня, и вскоре слухи о превосходном качестве первой настоящей партии долетели до директора уездного училища Сюй Чэна. Любопытство пересилило, и тот лично явился в мастерскую.

— Полноте, неужели это бумага из нашей собственной мастерской? — директор Сюй до сих пор содрогался при воспоминании о первых ученических листах. Те были серыми, бугристыми, усеянными соринками, и старый учитель тогда лишь разочарованно махнул рукой.

Однако нынешние листы, присланные из уездной управы, пусть и отдавали легкой желтизной, разительно отличались от прежних. Бумага оказалась гладкой, с тонкой ровной текстурой и превосходной прочностью на разрыв — лучшего материала для каллиграфии и написания ученых трактатов нельзя было и пожелать!

Когда до директора доходили слухи о хитроумных плугах для заливных полей или чудодейственных удобрениях, изобретенных молодым уездным судьей, он, конечно, изумлялся, но, будучи человеком далеким от сохи, быстро выбрасывал это из головы. Но сейчас, как истинный книжник Великой Чжоу, для которого бумага была дороже золота, он не мог сдерживать трепета. Даже прославленная писчая бумага из префектуры Цинчжоу казалась грубой поделкой по сравнению с этим чудом!

— Господин судья, — с затаенной надеждой спросил директор Сюй, — может ли государственная школа приобрести несколько стоп этой бумаги?

Стоило хоть раз коснуться кистью столь послушного листа, и возвращаться к прежней серой дешевке не хотелось бы даже под страхом смертной казни.

Цзян Умянь благосклонно кивнул:

— Государственная школа получит право приоритетного выкупа у бумажной мастерской Двух Селений.

Название «Бумажная мастерская Двух Селений» горцы выбрали сообща. Цзян Умянь, услышав его впервые, долго молчал, но противиться не стал — велел изготовить добротную деревянную вывеску и водрузить ее над воротами.

Под этой самой вывеской они сейчас и вели беседу.

— Эта партия как раз годится для чистописания, — Цзян Умянь жестом велел помощникам отсчитать несколько пачек. — Ученики ведь подходят к первому пробному экзамену? Вот и раздайте им эти листы для экзаменационных сочинений.

Растроганный директор Сюй при этих словах не знал, радоваться ему или плакать. Приняв увесистые стопки из рук слуг, он со вздохом покачал головой:

— Ваша проницательность как всегда поражает, господин судья. Все рассчитали до дня.

Саму идею устраивать регулярные проверки знаний подал Цзян Умянь. Эти ежемесячные срезы помогали отслеживать успеваемость ребят, а главное — позволяли судье выуживать из толпы безвестных крестьянских ребяткишек истинные таланты, способные в будущем сдать экзамены на степень ученого первой или второй степени.

— Ну а на ваш наметанный глаз, — поинтересовался Цзян Умянь, — есть ли среди воспитанников те, у кого лежит душа к чиновничьей стезе?

Новая учебная программа не отличалась запредельной сложностью: лишь базовые иероглифы да простейший арифметический счет. Если класс справлялся, темп обучения ускоряли. И те немногие, кто не отставал от заданного ритма, определенно имели незаурядный ум.

Директор Сюй на мгновение задумался, после чего негромко произнес:

— Господин судья, пока мы видим лишь верхушку айсберга. За столь короткий срок истинные способности детей не раскрыть, посему ваш покорный слуга не дерзнет судить предвзято.

Эксперимент по обучению грамоте крестьянских детей начался совсем недавно, да и опереться на чей-либо опыт они не могли. Неудивительно, что старый учитель осторожничал в суждениях. Впрочем, Цзян Умянь и сам спросил об этом мимоходом. Закончив обсуждение поставок, он распрощался с директором и отбыл обратно в уездный город.

Бумажная мастерская встала на рельсы, весенние полевые работы велись под строгим присмотром, и у Цзян Умяня наконец выдалась свободная минутка. Все спешные дела были улажены, оставалось лишь ждать, пока новые начинания принесут плоды. И уездный судья, дабы не сидеть сложа руки, вновь переключил внимание на Павильон Пьяной Зари.

Надо сказать, что в уезде Шаоюань Павильон Пьяной Зари в последние недели наделал столько шуму, что затмил даже запуск бумажной мануфактуры.

А началось всё с того, что возвратившиеся из уезда купцы принялись на все лады расхваливать местную кухню. Особенный восторг у заезжих гостей вызвали изысканные блюда под кисло-сладким соусом. Торговцы божились, что вкус у них воистину божественный, способный подарить блаженство самим небожителям.

Слухи разлетелись мигом, и вскоре в Шаоюань потянулись гурманы со всех окрестных земель. Благодаря устроенным Цзян Умянем дорогам путь не занимал много времени.

Заведение, изначально создававшееся как скромный постоялый двор для отдыха и кормежки караванщиков, в одночасье превратилось в излюбленное пристанище богатых бездельников, соревновавшихся друг с другом в кулинарных прихотях. Кошелек уездного судьи, конечно, заметно пополнился, но и пробиться в Павильон Пьяной Зари простым путникам стало решительно невозможно. Мысль наладить доставку готовых обедов на дом пока оставалась преждевременной — не хватало людей.

В порыве расширить дело Цзян Умянь едва не скупил половину участков на улице Мира, но вовремя опомнился: обустройство новых помещений и наем кухарок влетели бы в копеечку, так что расширение пришлось временно отложить.

Теперь же, разобравшись с неотложными делами, он вновь вернулся к этой мысли. Нужно было решить, какими именно яствами заполнить меню новых лавок, чтобы они не перебивали спрос на основные блюда Павильона Пьяной Зари, но при этом заставляли заезжих гурманов раскошелиться.

С этой целью судья прихватил верных людей и отправился прочесывать окрестные леса и луга в поисках новых диковинных ингредиентов.

Весна едва вступала в свои права, и из земли пробивались первые нежные побеги диких трав. Если оборвать сочные макушки, обдать их крутым кипятком и сдобрить солью да каплей масла, получалась вполне сносная закуска. Однако горьковатый, вяжущий привкус дикоросов вряд ли мог пленить сердца избалованных городских едоков.

Впрочем, лес преподнес другие дары — дикорастущие пряности и кислые лесные ягоды. Кое-где попадались еще не одомашненные плоды, сплошь набитые жесткими косточками. Местные крестьяне обходили их стороной, но Цзян Умянь приметил на ветках следы птичьих поклевок — верный знак того, что плоды не ядовиты.

Наткнувшись на старое дикое чайное дерево, усыпанное свежими нежными почками, судья оживился:

— Несите корзину. Соберем верхние листья, обжарим и сварим отличный освежающий отвар.

Чэнь Эрчжу так и подпрыгнул на месте:

— Господин судья, поберегите руки! Вашему слуге к этому делу не привыкать, вмиг всё оберу!

В детстве парень исходил все окрестные кручи, переплыл каждую речушку и разорил не один десяток птичьих гнезд. Став стражником при новой уездной управе, он то и дело выполнял подобные поручения, так что сноровки ему было не занимать. Да и мыслимо ли — позволить уездному судье самому карабкаться по веткам ради освежающего отвара?

С одного деревца молодых побегов собрали немного — едва ли хватило бы на одну варку для чиновников управы. Но эта находка натолкнула Цзян Умяня на новые размышления.

— А есть ли в нашем уезде чайные плантации? — поинтересовался он.

— Да какие плантации, господин судья, — отозвался с дерева Чэнь Эрчжу, споро обрывая верхушки веток. — В самом уезде чай мало кто растит. В горах-то у дикарей сады знатные имеются, но заезжие купцы обычно выменивают у них лист на соль. Хотите хорошего чаю — придется слать людей в глухие горы.

«Вот оно как», — мысленно отметил судья. Становилось ясно, почему в Шаоюань то и дело

наведывались караваны за углем или благовониями, но почти никогда не заглядывали чаоторговцы. Все ниточки вели к замкнутым горным племенам, неохотно пускавшим к себе чужаков.

Впрочем, среди жителей подвластных ему двух укреплений наверняка найдутся те, кто водит дружбу с горцами. Нужно будет собрать припасы, договориться с надежными проводниками и совершить вылазку в те неизведанные дебри.

В уездных реестрах населения, на картах местности и даже в Реестре рыбьей чешуи горные районы зияли белыми пятнами. Даже если отбросить выгоду от торговли, Цзян Умянь обязан был заполнить эти пробелы ради безопасности вверенных ему земель.

— Господин судья, всё обобрал! — Чэнь Эрчжу ловко соскользнул на землю, бережно прижимая к себе плетенку с зеленым уловом.

Углубившись в бамбуковую рощу, куда они частенько наведывались, путники застали самый пик весеннего роста. Если зимой здесь ловить было нечего, то теперь из влажной земли повсюду пробивались острые носики молодых побегов. Совместными усилиями они быстро накопили две полные корзины нежного лакомства — отличный материал для кулинарных экспериментов.

Попутно срубили несколько толстых бамбуковых стеблей для ароматного риса в бамбуковых трубках и бережно выкопали парочку диких деревьев, разительно смахивающих на лимоны, — судья решил посадить их во внутреннем дворике управы.

В уездную управу возвращались, нагруженные добычей. У ворот как раз менялся караул; завидев начальство, стражник Ли Е кликнул свободных ребят и поспешил на подмогу.

Цзян Умянь лично руководил разгрузкой:

— Бамбук и корзины с побегами тащите сразу на кухню. Саженцы пристроим на заднем дворе — выкопайте под них две ямы. На дно обязательно уложите слой перегноя; вы парни деревенские, сами знаете, сколько сыпать. Да залейте водой как следует, чтобы корни прижились.

А уж пойдут ли дички в рост на новом месте — тут оставалось уповать лишь на благосклонность неба.

Стоило прозвучать слову «кухня», как усталость у собиравшихся домой стражников как рукой сняло. Никто не спешил расходиться по домам: мигом распределив, кому копать, а кому таскать ведра, служивые принялись за дело с утроенным рвением. Каждый втайне надеялся урвать хоть кусочек от ужина, который собирался состряпать их уездный судья.

За неполный год службы под началом Цзян Умянь подчиненные отлично уяснили одну вещь: их начальник строго разделял службу и личные отношения.

На службе судья требовал неукоснительного соблюдения законов и карал за малейшую провинность. Впрочем, если человек исправно тянул лямку и не преступал закон, Цзян Умянь без нужды никого не притеснял.

Зато лодырям, мздоимцам и смутьянам пощады ждать не приходилось: провинившегося ждала либо сырая темница, либо — что страшило прочих куда сильнее — отправка на исправительные работы на навозные кучи, делать те самые чудо-удобрения.

При одном упоминании этой повинности у бывалых стражников лица становились краше сырой земли.

Какими бы чудодейственными ни были крестьянские туки, разило от них так, что прохожие на улице шарахались в стороны, зажимая носы. Вернувшись домой, бедолаге приходилось до дыр тереть собственное платье в лохани с золой — дух въедался намертво, и повторять подобный опыт не желал никто.

Зато в часы досуга господин судья являл редкое благодушие. Вот и сейчас он не пожалел сил на то, чтобы состряпать сытный ужин на всю челядь. Разумеется, когда собиралась такая орава, сам он черпаком не махал — для черной работы хватало помощников.

Цзян Умянь велел стражникам тщательно промыть свежие листья, дабы сперва заварить холодный чай для утоления жажды. Обжаркой нежных почек на раскаленном воке он занялся лично, а вот следить за кипением огромного котла с холодным чаем приставил расторопного служивого.

Пока остывал взвар, на разделочных столах закипела работа: помощники чистили весенние побеги и нарезали полые коленца бамбука. Вскоре в одной печи задымился котел, где томился ароматный рис в бамбуковых трубках, а в соседнем чане зашкворчало раскаленное масло для тушения овощей.

В самый разгар суматохи во дворе появились нежданные гости: давно не подававший о себе вестей генерал Сюэ Вэнь и советник Чжао Чэн. Судя по их оживленным лицам, прибыли они с предложением о крупной и весьма выгодной сделке.

— Судья Цзян, — с порога зычным голосом осведомился Сюэ Вэнь, — не завалилось ли у вас в закромах излишков того серого порошка, что вы зовете цементом?